

Памятники Отечества

*Альманах
Всероссийского общества
охраны памятников
истории
и культуры*

2 | 1980
(2)

ПОУЧЕНИЕ ВЛАДИМИРА МОНОМАХА

ПОУЧЕНИЕ

Древнерусский текст

Азъ худый дѣдомъ своимъ Ярославомъ, благословленнымъ, славнымъ, *нареченый* въ крещении Василий, русьскимъ именемъ Володимиръ, отцемъ възлюбленнымъ и матерью своею Мъномахы... и хрестьяныхъ людей дѣля, колико бо сблюдъ по милости своей и по отни молитвъ отъ всѣхъ бѣдъ! Съдя на санехъ, помыслихъ в души своей и похвалихъ бога, иже мя сихъ дней грѣшнаго допровади. Да дѣти мои, или инъ кто, слышавъ сию грамотицю, не посмѣйтеся, но *ему же любя дѣтий* моихъ, а приметь е в сердце свое, и не лѣнитися начнеть, тако же и тружатися.

Первое, бога дѣля и душа своя, страхъ имѣйте божий в сердци своемъ и милостыню творя неоскудну, то бо есть начатокъ всякому добру. Аще ли кому не любя грамотиця си, а не поохритаются, но тако се рекутъ: на далечи пути, да на санехъ съдя, безлѣпицю си молвилъ.

Усрѣтоша бо мя слы отъ братья моя на Волзѣ, рѣша: «Потѣснися к намъ, да выженемъ Ростиславича и волость ихъ отъимемъ; иже ли не поидеши с нами, то мы собѣ будемъ, а ты собѣ». И рѣхъ: «Аще вы ся и *гнѣваете*, не могу вы я ити, ни креста переступити».

И отрядивъ я, возьмъ Псалтырю, в печали разгнухъ я, и то ми ся выня: «Вскую печалуеши, душе? Вскую смущаеши мя?» и прочая. И потомъ собрахъ словца си любая, и складохъ по ряду, и написахъ: Аще вы послѣдняя не любя, а передняя принимайте.

«Вскую печална еси, душе моя? Вскую смущаеши мя? *Уповаи* на бога, яко исповѣмся ему». «Не ревнуй лукавнующимъ,

ПОУЧЕНИЕ ВЛАДИМИРА МОНОМАХА

ПОУЧЕНИЕ

Перевод

Я, худой, дедом своим Ярославом, благословенным, славным, нареченный в крещении Василием, русским именем Владимир, отцом возлюбленным и матерью своею из рода Мономахов... и христианских ради людей, ибо сколько их соблюл по милости своей и по отцовской молитве от всех бед! Сидя на саях, помыслил я в душе своей и воздал хвалу богу, который меня до этих дней, грешного, сохранил. Дети мои или иной кто, слушая эту грамотку, не посмейтесь, но кому из детей моих она будет любя, пусть примет ее в сердце свое и не станет лениться, а будет трудиться.

Прежде всего, бога ради и души своей, страх имейте божий в сердце своем и милостыню подавайте нескучную, это ведь начало всякого добра. Если же кому не любя грамотка эта, то пусть не посмеются, а так скажут: на дальнем пути, да на саях сидя, безлепицу молвил.

Ибо встретили меня послы от братьев моих на Волге и сказали: «Поспеш к нам, и выгоним Ростиславичей, и волость их отнимем; если же не пойдешь с нами, то мы — сами по себе будем, а ты — сам по себе». И ответил я: «Хоть вы и гневаетесь, не могу я ни с вами пойти, ни крестоцелование преступить».

И, отпустив их, взял Псалтырь, в печали разогнул ее, и вот что мне вынулось: «О чем печалишься, душа моя? Зачем смущаешь меня?» — и прочее. И потом собрал я эти полюбившиеся слова и расположил их по порядку и написал. Если вам последние не понравятся, начальные хоть возьмите.

«Зачем печалишься, душа моя? Зачем смущаешь меня? Уповай на бога, ибо верю в него». «Не соревнуйся с лукавыми,

ни завиди творящимъ безаконье, занелукавнующихъ потребятся, терпящихъ же господя, — ти обладаютъ землею. — И еще мало, — И не будетъ грѣшника; взищеть мѣста своего, и не обрящетъ. Кротци же наслѣдятъ землю, насладятся на множествѣ мира. Назираеть грѣшный праведнаго, и поскрегчетъ на нь зубы своими; господь же посмѣется ему и прозритъ, яко придетъ день его. Оружья извлекоша грѣшници, напряже лукъ свой истрѣляти нища и убога, заклати правыя сердцемъ. Оружье ихъ внидеть в сердца ихъ, и луци ихъ скрушатся. Луче есть праведнику малое, паче богатства грѣшныхъ многа. Яко мышца грѣшныхъ скрушится, утверждаетъ же праведныя господь. Яко се грѣшници погыбнутъ; праведныя же милуя и даеть. Яко благословящий его наслѣдятъ землю, кленущи же его потребятся. От господя стопы челоуѣку исправятся. Егда ся падеть, и не разбѣется, яко господь подьметъ руку его. Унь бѣхъ, и сстарѣхся, и не видѣхъ праведника оставлена, ни сѣмени его просяща хлѣба. Весь день милует и в займъ даеть праведный, и племя его благословлено будет. Уклонися от зла, створи добро, взищи мира и пожени, и живи в вѣки вѣка».

«Внегда стати челоуѣкомъ, убо живы пожерли ны быша; внегда прогнѣватися ярости его на ны, убо вода бы ны потопила».

«Помилуй мя, боже, яко попра мя челоуѣкъ, весь день боряся, стужи ми. Попраша мя врази мои, яко мнози *борящихся* со мною свыше». «Возвеселится праведник, и егда видить мечь; руцѣ свои умыть в крови грѣшника. И рече убо челоуѣкъ: аще есть плодъ праведника, и есть убо богъ судяй земли». «Изми мя от врагъ моихъ, боже, и от встающихъ на мя отъими мя. Избави мя от творящихъ безаконье, и от мужа крови спаси мя; яко се уловиша душу мою». «И яко гнѣвъ въ ярости его, и животъ в воли его; вечеръ водворится плачь, а заутра радость». «Яко лучши милость твоя, паче живота моего, и устнѣ мои похвалита тя. *Тако* благословю тя в животъ моемъ, и о имени твоємъ въздѣю руцѣ мои». «Покры мя от сонѣма лукаваго и от множества дѣлающихъ неправду». «Възвеселитесь вси праведнии сердцемъ. Благословлю господя на всяко время, воину хваля его», и прочая.

Якоже бо Василий учаше, собрав ту уноша, душа чисты, нескверньни, телеси худу, кротку бесѣду и в мѣру слово господне: «Яди и питью бесъ плища велика быти, при старыхъ молчати, премудрыхъ слушати, старѣйшимъ покарятися, с точными и меншими любовь имѣти; без луки бесѣдующе, а много разумѣти; не сверѣповати словомъ, ни хулити бесѣдоу,

не завидуй творящим беззаконие, ибо лукавые будут истреблены, послушные же господу будут владеть землей». И еще немного: «И не будет грешника; посмотришь на место его и не найдешь его. Кроткие же унаследуют землю и многим насладятся миром. Злоумышляет грешный против праведного и скрежещет на него зубами своими; господь же посмеется над ним, ибо видит, что настанет день его. Оружие извлекли грешники, натягивают лук свой, чтобы пронзить нищего и убогого, заковать правых сердцем. Оружие их пронзит сердца их, и луки их сокрушатся. Лучше праведнику малое, нежели многие богатства грешным. Ибо сила грешных сокрушится, праведных же укрепляет господь. Как грешники погибнут,—праведных же милует и одаривает. Ибо благословляющие его наследуют землю, клянушие же его истребятся. Господом стопы человека направляются. Когда он упадет, то не разобьется, ибо господь поддерживает руку его. Молод был и состарился, и не видел праведника покинутым, ни потомков его просящими хлеба. Всякий день милостию творит праведник и взаймы дает, и племя его благословенно будет. Уклонись от зла, сотвори добро, найди мир и отгони зло, и живи во веки веков».

«Когда восстали бы люди, то живыми пожрали бы нас; когда прогневалась бы на нас ярость его, то воды бы потопили нас».

«Помилуй меня, боже, ибо поправил меня человек; всякий день нападая, теснит меня. Поправили меня враги мои, ибо много восстающих на меня свыше». «Возвеселится праведник и, когда увидит отмщение, руки омоет свои в крови грешника. И скажет человек: «Если есть награда праведнику, значит есть бог, творящий суд на земле». «Освободи меня от врагов моих, боже, и от восстающих на меня защити меня. Избавь меня от творящих беззаконие и от мужа крови спаси меня, ибо уже уловили душу мою». «Ибо гнев в мгновение ярости его, а вся жизнь в воле его: вечером водворится плач, а наутро радость». «Ибо милость твоя лучше, чем жизнь моя, и уста мои да восхвалят тебя. Так благословлю тебя при жизни моей и во имя твое воздену руки мои». «Укрой меня от сборища лукавых и от множества делающих неправду». «Возвеселитесь все праведные сердцем. Благословлю господа во всякое время, непрестанна хвала ему», и прочее.

Ибо как Василий учил, собрав юношей: иметь душу чистую и непорочную, тело худое, беседу кроткую и соблюдать слово господне: «Есть и пить без шума великого, при старых молчать, премудрых слушать, старшим покоряться, с равными и младшими любовь иметь, без лукавства беседуя, а побольше разуметь; не свиреповать словом, не хулить в беседе,

не обило смѣяться, срамлятися старѣйших, к женам
нелѣпымъ не бесѣдовати, долу очи имѣти, а душу горѣ, пре-
бѣгати; не стрѣкати учить легкихъ власти, ни в кую же имѣти,
еже от всѣхъ честь. Аще ли кто васъ можетъ инѣмъ услѣти,
от бога мзды да часть и вѣчныхъ благъ насладится». «О Вла-
дычице богородице! Отъими от убогаго сердца моего гордость
и буестъ, да не възношюся суетою мира сего»; в пустошнѣмъ
семь жити.

Научися, вѣрный человекъ, быти *благочестию* дѣлатель, на-
учися, по евангельскому словеси, «очима управленье, языку
удержанье, уму смѣренье, тѣлу поработанье, гнѣву погуб-
ленье, помысль чистъ имѣти, понужаяся на добрая дѣла, гос-
пода ради; лишаемъ — не мести, ненавидимъ — *любви*, го-
нимъ — терпи, хулимъ — моли, умертви грѣхъ». «Избавите
обидима, судите сиротѣ, оправдайте вдовицу. Придѣте, да
сожжемъся, глаголетъ господь. Аще будутъ грѣси ваши яко
оброшени, яко снѣгъ обѣлю я», и прочее. «Восияетъ весна
постная и цвѣтъ покаянья, очистимъ собе, братья, от всякоя
крови плотскыя и душевныя. Свѣтодавцю вопюще рцѣмъ:
Слава тобѣ, человекѣколюбче!».

Поистинѣ, дѣти моя, разумѣйте, како ти есть человекѣколюбецъ
богъ милостивъ и премилостивъ. Мы человекѣци, грѣшнии суще
и смертнии, то оже ны зло створить, то хожемъ и пожрети и
кровь его прольяти вскорѣ; а господь нашъ, владѣя и живо-
томъ и смертию, согрѣшенья наша выше главы нашея тер-
пить, и паки и до живота нашего. Яко отецъ, чадо свое любя,
бѣя, и паки привлечь е к собѣ, тако же и господь нашъ
показал ны есть на врагы побѣду, 3-ми дѣлы добрыми избыти
его и побѣдити его: покаяньемъ, слезами и милостынею. Да
то вы, дѣти мои, не тяжька заповѣдь божья, оже тѣми дѣлы
3-ми избыти грѣховъ своихъ и царствия не лишитися.

А бога дѣла не лѣнитеся, молю вы ся, не забываютъ 3-хъ дѣлъ
тѣхъ: не бо суть тяжька; ни одиночество, ни чернечество, ни
голодъ, яко инии добрии терпятъ, но малымъ дѣломъ улучити
милость божью.

«Что есть человекъ, яко помниши ѿ?» «Велий еси, господи, и
чюдна дѣла твоя, никакъ же разумъ человекѣскъ не можетъ
исповѣдати чудес твоихъ; — и паки речемъ: велий еси, гос-
поди, и чюдна дѣла твоя, и благословено и хвално имя твое в
вѣкы по всей земли». Иже кто не похвалить, ни прославляетъ
силы твоя и твоихъ великихъ чудес и добротъ, устроеныхъ на семь
свѣтъ: како небо устроено, како ли солнце, како ли луна, како
ли звѣзды, и там и свѣтъ, и земля на водахъ положена, госпо-
ди, твоимъ промысломъ! Звѣрье разноличини, и птица и рыбы

не смеяться много, стыдиться старших, с нелепыми женщинами не беседовать, глаза держать книзу, а душу ввысь, избегать суеты; не уклоняться учить увлекающихся властью, ни во что ставить всеобщий почет. Если кто из вас может другим принести пользу, от бога на воздаяние пусть надеется и вечных благ насладится». «О владычица богородица! Отними от сердца моего бедного гордость и дерзость, чтобы не величался я суетою мира сего» в ничтожной этой жизни.

Научись, верующий человек, быть благочестию свершителем, научись, по евангельскому слову, «очам управлению, языка воздержанию, ума смирению, тела подчинению, гнева подавлению, иметь помыслы чистые, побуждая себя на добрые дела, господа ради; лишаемый — не мсти, ненавидимый — любви, гонимый — терпи, хулимый — молчи, умертви грех». «Избавляйте обижаемого, давайте суд сироте, оправдывайте вдовицу. Приходите да соединимся, говорит господь. Если будут грехи ваши как багренные, — как снег обелю их», и прочее. «Воссияет весна поста и цветок покаяния; очистим себя, братья, от всякой крови телесной и душевной. Взывая к светодавцу, скажем: «Слава тебе, человеколюбец!»

Поистине, дети мои, разумейте, что человеколюбец бог милостив и премилостив. Мы, люди, грешны и смертны, и если кто нам сотворит зло, то мы хотим его поглотить и поскорее пролить его кровь; а господь наш, владея и жизнью и смертью, согрешения наши превыше голов наших терпит всю нашу жизнь. Как отец, чадо свое любя, бьет его и опять привлекает к себе, так же и господь наш показал нам победу над врагами, как тремя делами добрыми избавляться от них и побеждать их: покаянием, слезами и милостынею. И это вам, дети мои, не тяжкая заповедь божия, как теми делами тремя избавиться от грехов своих и царствия небесного не лишиться.

Бога ради, не ленитесь, молю вас, не забывайте трех дел тех, не тяжки ведь они; ни затворничеством, ни монашеством, ни голоданием, которые иные добродетельные претерпевают, но малым делом можно получить милость божию.

«Что такое человек, как подумаешь о нем?» «Велик ты, господи, и чудны дела твои; разум человеческий не может постигнуть чудеса твои», — и снова скажем: «Велик ты, господи, и чудны дела твои, и благословенно и славно имя твое во веки по всей земле». Ибо кто не восхвалит и не прославит силу твою и твоих великих чудес и благ, устроенных на этом свете: как небо устроено, или как солнце, или как луна, или как звезды, и тьма, и свет, и земля на водах положена, господи, твоим промыслом! Звери различные, и птицы и рыбы

украшено твоимъ промысломъ, господи! И сему чюду дивуемъся, како от персти создавъ челоуѣка, како образи розноличнии въ челоуѣчьскихъ лицахъ,—аще и весь миръ совокупить, не вси въ одинъ образъ, но кый же своимъ лицъ образомъ, по божии мудрости. И сему ся подивуемы, како птица небесныя изъ ирья идутъ, и первѣе, въ наши руцѣ, и не ставятся на одной земли, но и сильныя и худыя идутъ по всѣмъ землямъ, божиимъ повелѣньемъ, да наполнятся лѣси и поля. Все же то далъ богъ на угоудье челоуѣкомъ, на снѣдь, на веселье. Велика, господи, милость твоя на насъ, *иже* та угоудья створилъ еси челоуѣка дѣля грѣшна. И ты же птицѣ небесныя умудрены тобою, господи; егда повелиши, то вспоютъ, и челоуѣкы веселятъ тебе; и егда же не повелиши имъ, языкъ же имѣюще онемѣютъ} «А благословенъ еси, господи, и хваленъ зѣло!» всяка чюдеса и ты доброты створивъ и здѣлавъ, «Да иже не хвалить тебе, господи, и не вѣруеть всѣмъ сердцемъ и всею душею во имя отца и сына и святаго духа, да будетъ проклятъ».

Си словца прочитаюче, дѣти моя, божественная, похвалите бога, даваща намъ милость свою: а се от худаго моего безумья наказанье. Послушайте мене: еще не всего примете, то половину.

Аще вы богъ умякчить сердце, и слезы своя испустите о грѣсѣхъ своихъ, рекуще: якоже блудницу и разбойника и мытаря помиловаль еси, тако и насъ грѣшныхъ помилуй! И в церкви то дѣйте и ложася. Не грѣшите ни одну же ночь, аще можете поклонитися до земли; а ли вы ся начнетъ не мочи, а трижды. А того не забывайте, не лѣнитесь, тѣмъ бо ночнымъ поклономъ и пѣньемъ челоуѣкъ побѣждаетъ дьявола, и что въ день согрѣшитъ, а тѣмъ челоуѣкъ избываетъ. Аще и на кони ѣздяче не будетъ ни с кымъ орудья, аще инѣхъ молитвъ не умѣете молвити, а «Господи помилуй» зовѣте беспрестани, втайнѣ: та бо есть молитва всѣхъ лѣпши, нежели мыслити безлѣпию ѣздя.

Всего же паче убогихъ не забывайте, но елико могуще по силѣ кормите, и *придайте* сиротѣ, и вдовицю оправдате сами, а не вдавайте сильнымъ погубити челоуѣка. Ни права, ни крива не убивайте, ни повелѣвайте убити его: аще будетъ повиненъ смерти, а душа не *погубляйте* никакаяже хрестьяны. Рѣчь молвяче, и лихо и добро, не кленитесь богомъ, ни хреститесь, нѣту бо ти нужна никоеяже. Аще ли вы будете крестъ цѣловати к братѣ или г кому, а ли управивъше сердце свое, на немъ же можете устояти, тоже цѣлуйте, и цѣловавше блюдѣте, да не, приступни, погубите душъ своеѣ. Епископы, и попы и игумены... с любовью взимайте отъ нихъ благословенье, и не устранийтесь отъ нихъ, и по силѣ любите и набдите, да примете отъ нихъ молитву... отъ бога. Паче всего гордости не имѣйте

украшены твоим промыслом, господи! И этому чуду подивимся, как из праха создал человека, как разнообразны человеческие лица; если и всех людей собрать, не у всех один облик, но каждый имеет свой облик лица, по божьей мудрости. И тому подивимся, как птицы небесные из рая идут, и прежде всего в наши руки, и не поселяются в одной стране, но и сильные и слабые идут по всем землям, по божьему повелению, чтобы наполнились леса и поля. Все же это дал бог на пользу людям, в пищу и на радость. Велика, господи, милость твоя к нам, так как блага эти сотворил ты ради человека грешного. И те же птицы небесные умудрены тобою, господи: когда повелишь, то запоют и людей веселят; а когда не повелишь им, то и имея язык онемеют. «И благословен, господи, и прославлен зело!» «Всякие чудеса и эти блага сотворил и совершил. И кто не восхвалит тебя, господи, и не верует всем сердцем и всей душой во имя отца и сына и святого духа, да будет проклят!»

Прочитав эти божественные слова, дети мои, похвалите бога, подавшего нам милость свою; а то дальнейшее — это моего собственного слабого ума наставление. Послушайте меня; если не все примете, то хоть половину.

Если вам бог смягчит сердце, пролейте слезы о грехах своих, говоря: «Как блудницу, разбойника и мытаря помиловал ты, так и нас, грешных, помилуй». И в церкви то делайте и ложась. Не пропускайте ни одной ночи, — если можете, поклонитесь до земли; если вам занеможется, то трижды. Не забывайте этого, не ленитесь, ибо тем ночным поклоном и молитвой человек побеждает дьявола, и что нагрешит за день, то этим человек избавляется. Если и на коне едучи не будет у вас никакой дела и если других молитв не умсете сказать, то «господи помилуй» взывайте беспрестанно втайне, ибо эта молитва всех лучше, — нежели думать безлепичу, ездя.

Всего же более убогих не забывайте, но, насколько можете, по силам кормите и подавайте сироте и вдовицу оправдывайте сами, а не давайте сильным губить человека. Ни правого, ни виновного не убивайте и не повелевайте убить его; если и будет повинен смерти, то не губите никакой христианской души. Говоря что-либо, дурное или хорошее, не клянитесь богом, не креститесь, ибо нет тебе в этом никакой нужды. Если же вам придется крест целовать братии или кому-либо, то, проверив сердце свое, на чем можете устоять, на том и целуйте, а поцеловав, соблюдайте, чтобы, преступив, не погубить души своей. Епископов, попов и игуменов чтите, и с любовью принимайте от них благословение, и не устраняйтесь от них, и по силам любите и заботьтесь о них, чтобы получить по их молитве от бога. Паче же всего гордости не имейте

в сердци и въ умѣ, но рцѣмъ: смертни есмы, днесь живи, а заутра в гробъ; се все, *что ны* еси вдаль, не наше, но твое, поручил ны еси на мало дний. И в земли не хороните, то ны есть великъ грѣхъ. Старыя чти яко отца, а молодыя яко братью. В дому своемъ не лѣнитеся, но все видите; не зрите на тивуна, ни на отрока, да не посмѣются приходящии к вам *ни* дому вашему, ни обѣду вашему. На войну вышедъ, не лѣнитеся, не зрите на воеводы; ни питью, ни ѣденью не лагодите, ни спанью; и сторожѣ сами наряживайте, и ночь, отвсюду нарядивше около вои, тоже ляжите, а рано встанѣте; а оружья не снимайте с себе вборзѣ, не розглядавшѣ лѣнощами, внезапно бо человекъ погыбаеть. Лжѣ блюдиися и пьянства и блуда, в томъ бо душа погыбаеть и тѣло. Куда же ходяще путемъ по своимъ землямъ, не дайте пакости дѣяти отрокомъ, ни своимъ, ни чюжимъ, ни в селѣхъ, ни в житѣхъ, да не кляти вас начнутъ. Куда же поидете, идеже станете, напоите, накормите унеина; и боле же чтите гость, откуда же к вам придетъ, или простъ, или добръ, или солъ, аще не можете даромъ, брашном и питьемъ: ти бо мимоходячи прославять человека по всѣмъ землямъ любо добрымъ, любо злымъ. Болнаго присѣтите; надъ мертвеца идѣте, яко вси мертвени есмы. И человека не минѣте, не привѣчавше, добро слово ему дадите. Жену свою любите, но не дайте имъ надъ собою власти. Се же вы конецъ всему: страхъ божий имѣйте выше всего.

Аще забываете *сего*, а часто прочитайте: и мнѣ будетъ бесо-рома, и вамъ будетъ добро.

Его же умѣючи, того не забывайте доброго, а его же не умѣючи, а тому ся учите, якоже бо отецъ мой, дома сѣдя, изумѣяше 5 языкъ, в томъ бо честь есть от инѣхъ земель. Лѣность бо всему мати: еже умѣеть, то забудеть, а его же не умѣеть, а тому ся не учить. Добръ же творяще, не мозите ся лѣнити ни на что же доброе, первое к церкви: да не застанеть вас солище на постели; тако бо отецъ мой дѣшаетъ блаженный и вси добрии мужи свершении. Заутреннюю отдавшѣ богови хвалу, и потомъ солнцю вѣсходящую, и узрѣвше солнце, и прославити бога с радостью и рече: «Просвѣти очи *мои*, Христе боже, *иже* далъ ми еси свѣтъ твой красный! И еще: господи, приложи ми лѣто къ лѣту, да прокъ, грѣховъ своихъ покаываясь, оправдивъ животъ», тако похваляю бога! И сѣдше думати с дружиною, или люди оправливати, или на ловъ ѣхати, или поѣздити, или лечи спати: спанье есть от бога присужено полудне. Отъ чина бо почиваеть и звѣрь, и птици и человекъ.

в сердце и в уме, но скажем: смертны мы, сегодня живы, а завтра в гробу; все это, что ты нам дал, не наше, но твое, поручил нам это на немного дней. И в земле ничего не сохраняйте, это нам великий грех. Старых чтите, как отца, а молодых, как братьев. В дому своем не ленитесь, но за всем сами наблюдайте; не полагайтесь на тнуна или на отрока, чтобы не посмеялись приходящие к вам, ни над домом вашим, ни над обедом вашим. На войну выйдя, не ленитесь, не полагайтесь на воевод; ни питью, ни еде не предавайтесь, ни спанью; сторожей сами наряживайте, и ночью, расставив стражу со всех сторон, около воинов ложитесь, а вставайте рано; а оружия не снимайте с себя второпях, не оглядевшись по лености, внезапно ведь человек погибает. Лжи остерегайтесь, и пьянства, и блуда, от того ведь душа погибает и тело. Куда бы вы ни держали путь по своим землям, не давайте отрокам причинять вред ни своим, ни чужим, ни селам, ни посевам, чтобы не стали проклинать вас. Куда же пойдете и где остановитесь, напоите и накормите нищего, более же всего чтите гостя, откуда бы к вам ни пришел, простолюдин ли, или знатный, или посол; если не можете почтить его подарком, — то пищей и питьем: ибо они, проходя, прославят человека по всем землям, или добрым, или злым. Больного навестите, покойника проводите, ибо все мы смертны. Не пропустите человека, не поприветствовав его, и доброе слово ему молвите. Жену свою любите, но не давайте им власти над собой. А вот вам и основа всему: страх божий имейте превыше всего.

Если не будете помнить это, то чаще перечитывайте: и мне не будет стыдно, и вам будет хорошо.

Что умеете хорошего, то не забывайте, а чего не умеете, тому учитесь — как отец мой, дома сидя, знал пять языков, оттого и честь от других стран. Лениость ведь всему мать: что кто умеет, то забудет, а чего не умеет, тому не научится. Добро же творя, не ленитесь ни на что хорошее, прежде всего к церкви: пусть не застанет вас солнце в постели. Так поступал отец мой блаженный и все добрые мужи совершенные. На заутрене воздавши богу хвалу, потом на восходе солнца и увидев солнце, надо с радостью прославить бога и сказать: «Просвети очи мои, Христе боже, давший мне свет твой прекрасный». И еще: «Господи, прибавь мне год к году, чтобы впредь, в остальных грехах своих покаявшись, исправил жизнь свою»; так я хвалю бога и тогда, когда сажусь думать с дружиною, или собираюсь творить суд людям, или ехать на охоту или на сбор дани, или лечь спать. Спать в полдень назначено богом; по этому установленью почивают ведь и зверь, и птица, и люди.

А се вы повѣдаю, дѣти моя, трудъ свой, оже ся есмь тружалъ, пути дѣя и ловы с 13 лѣт. Первое к Ростову идохъ, сквозѣ вятичѣ, посла мя отец, а самъ иде Курьску; и паки 2-е к Смолиньску со Ставкомъ с *Гордятичемъ*, той паки и отъиде к Берестію со Изяславомъ, а мене посла Смолиньску, то и-Смолиньска идохъ Володимерю. Тое же зимы тои по-сласта Берестію брата на головнѣ, иде бяху *ляхове* пожгли, той ту блюдѣ городъ тихъ. Та идохъ Переяславлю отцю, а по Велицѣ дни ис Переяславля та Володимерю — на Сутейску мира творить с ляхи. Оттуда паки на лѣто Володимерю опять.

Та посла мя Святославъ в Ляхы; ходивъ за Глоговы до Чешьскаго лѣса, ходивъ в земли ихъ 4 мѣсяци. И в то же лѣто и дѣтя ся роди старѣйшее новгородское. Та оттуда Турову, а на весну та Переяславлю, таже Турову.

И Святославъ умре, и язъ паки Смолиньску, а и-Смолиньска той же зимѣ та к Новугороду; на весну Глѣбови в помощь. А на лѣто со отцемъ подѣ Полтескѣ, а на другую зиму с Святполкомъ подѣ Полтескѣ, — *ожьгѣше* Полтескѣ; онъ иде Новугороду, а я с половци на Одрьскѣ, воюя, та Чернигову. И паки и-Смолиньска къ отцю придох Чернигову. И Олегъ приде, из Володимеря выведенъ, и возвахъ и к собѣ на обѣдъ со отцемъ в Черниговѣ, на Краснѣмъ дворѣ, и вдахъ отцю 300 гривен золота. И паки и-Смолиньска же пришедъ, и придох сквозѣ половеческыи вои, бѣяся, до Переяславля, и отца налѣзохъ с полку пришедше. То и паки ходихомъ, том же лѣтѣ, со отцемъ и со Изяславомъ битъся Чернигову с Борисомъ, и побѣдихомъ Бориса и Олга. И паки идохомъ Переяславлю, и стахом во Обровѣ.

И Всеславъ Смолнескѣ ожьже, и азъ всѣдъ с черниговци о двою коню, и не застахом... въ Смолиньскѣ. Тѣм же путем по Всеславѣ пожегъ землю и повоевавъ до Лукамля и до Логожьска, та на Дръютскѣ воюя, та Чернигову.

А на ту зиму повоеваша половци Стародубъ весь, и азъ шедъ с черниговци и с половци, на Деснѣ изымахом князи Асадука и Саука, и дружину ихъ избиша. И на заутреѣ за Новымъ Городомъ разгнахомъ силны вои Белкатгина, а семечи и полонѣ весь отяхом.

А въ вятичи ходихом по двѣ зимѣ на Ходоту и на сына его, и ко Корьдну, ходихъ 1-ю зиму. И паки по Изяславичихъ

А теперь поведаю вам, дети мои, о труде своем, как трудился я в разъездах и на охотах с тринадцати лет. Сначала я к Ростову пошел сквозь землю вятичей; послал меня отец, а сам он пошел к Курску; и снова вторично ходил я к Смоленску, со Ставком Гордятичем, который затем пошел к Берестью с Изяславом, а меня послал к Смоленску; а из Смоленска пошел во Владимир. Той же зимой послали меня в Берестье братья на пожарище, что поляки пожгли, и там правил я городом утишенным. Затем ходил в Переяславль к отцу, а после Пасхи из Переяславля во Владимир — в Сутейске мир заключить с поляками. Оттуда опять на лето во Владимир.

Затем послал меня Святослав в Польшу: ходил я за Глогов до Чешского леса, и ходил в земле их четыре месяца. И в том же году и сын родился у меня старший, новгородский. А оттуда ходил я в Туров, а на весну в Переяславль и опять в Туров.

И Святослав умер, и я опять пошел в Смоленск, а из Смоленска той же зимой в Новгород; весной — Глебу в помощь. А летом с отцом — под Полоцк, а на другую зиму со Святотополком под Полоцк, и выжгли Полоцк; он пошел к Новгороду, а я с половцами на Одреск войною и в Чернигов. И снова пришел я из Смоленска к отцу в Чернигов. И Олег пришел туда, из Владимира выведенный, и я позвал его к себе на обед с отцом в Чернигове, на Красном дворе, и дал отцу триста гривен золота. И опять из Смоленска же придя, пробился я через половецкие войска с боем до Переяславля и отца застал вернувшегося из похода. Затем ходили мы опять в том же году с отцом и с Изяславом к Чернигову биться с Борисом и победили Бориса и Олега. И опять пошли в Переяславль и стали в Оброве.

И Всеслав Смоленск пожег, и я с черниговцами верхом с поводными конями помчался и не застали... в Смоленске. В том походе за Всеславом пожег землю и повоевал ее до Лукомля и до Логожска, затем на Друцк войною и опять в Чернигов.

А в ту зиму повоевали половцы Стародуб весь, и я, идя с черниговцами и со своими половцами, на Десне взяли в плен князей Асадука и Саука, а дружину их перебили. И на следующий день за Новым Городом разбили сильное войско Белкатгина, а семечей и пленников всех отняли.

А в Вятическую землю ходили подряд две зимы на Ходоту и на сына его и к Корьдну ходили первую зиму. И опять ходили

за Микулинъ, и не постигохом ихъ. И на ту весну къ Ярополку совкупляться на Броды.

Том же лѣтъ гонихом по половцѣхъ за Хоролъ, иже Горошинъ взяша.

И на ту осень идохом с черниговци и с половци, с читѣвичи, к Мѣньску: изѣѣххом городъ, и не оставихом у него ни челядина, ни скотины.

На ту зиму идохом къ Ярополку совокуплятися на Броды, и любовь велику створихом.

И на весну посади мя отецъ в Переяславли передъ братьею, и ходихом за Супой. И ѣдучи к Прилуку городу, и срѣтоша ны внезапно половечьскыѣ князи, 8 тысячъ, и хотѣхом с ними ради битися, но оружье бяхомъ услали напередъ на повозѣхъ, и внидохом в городъ; толко семцю яша одного живого, ти смердъ нѣколико, а наши онѣхъ боле избиша и изымаша, и не смѣша ни коня пояти в руцѣ, и бѣжаша на Сулу тое ночи. И завтра, на Госпожинъ день, идохом к Бѣлѣ Вежи, и богъ ны поможе и святая богородица: *избихом* 900 половець, и два князя яхом, Багубарсова брата, Асиня и Сакзя, а два мужа толко утекоста.

И потомъ на Святославль гонихом по половцѣхъ, и потомъ на Торческый городъ, и потомъ на Гюргевъ по половцѣхъ. И паки на той же сторонѣ у Красна половци побѣдихом; и потомъ с Ростиславом же у Варина вежѣ взяхом. И потом ходивъ Володимерию, паки Ярополка посадих, и Ярополкъ умре.

И паки по отни смерти и *при* Святополцѣ, на *Стугнѣ* бившеся съ половци до вечера, *бихом* — у Халѣпа, и потом миръ створихом с Тугорканомъ и со инѣми князи половечьскими; и у *Глѣбовы* чади пояхом дружину свою всю.

И потом Олегъ на мя приде с Половчѣскою землею к Чернигову, и бишася дружина моя с нимъ 8 днѣй о малу *греблю*, и не вдадуче *внити* имъ въ острогъ; *сѣжаливѣси* хрестьяныхъ душъ и селъ горящихъ и монастырь, и рѣхъ: «Не хвалитися поганым!». И вдахъ брату отца *его* мѣсто, а самъ идох на отца своего мѣсто Переяславлю. И *выидохом* на святаго Бориса день ис Чернигова, и ѣххом сквозъ полки половчѣскыѣ, не въ 100 дружинѣ, и с дѣтми и с женами. И облизяхутся на нас акы волци стояще, и от перевоза и з горъ, богъ и святыи Борисъ не да имъ мене в користь, — неврежени доидохом Переяславлю.

И сѣдѣхъ в Переяславли 3 лѣта и 3 зимы, и с дружиною своею, и многы бѣды прияхом от рати и от голода. И идохом на вои ихъ за Римовъ, и богъ ны поможе — *избихом* я, а другия *поимахом*.

мы и за Ростиславичами за Микулин, и не настигли их. И на ту весну — к Ярополку на совет в Броды.

В том же году гнались за Хорол за половцами, которые взяли Горошин.

На ту осень ходили с черниговцами и с половцами — читеевичами к Минску, захватили город и не оставили в нем ни челядина, ни скотины.

В ту зиму ходили к Ярополку на сбор в Броды и дружбу великую заключили.

И на весну посадил меня отец в Переяславле выше всей братии и ходили за Супой. И по пути к Прилуку городу встретили нас внезапно половецкие князья, с восемью тысячами, и хотели было с ними сразиться, но оружие было отослано вперед на возах, и мы вошли в город; только семца одного живым захватили да смердов несколько, а наши половцев больше убили и захватили, и половцы, не смея сойти с коней, побежали к Суле в ту же ночь. И на следующий день, на Успение, пошли мы к Белой Веже, бог нам помог и святая богородица: перебили девятьсот половцев и двух князей взяли, Багубарсовых братьев, Осеня и Сакзя, и только два мужа убежали.

И потом на Святославль гнались за половцами, и затем на Торческ город, и потом на Юрьев за половцами. И снова на той же стороне, у Красна, половцев победили, и потом с Ростиславом же у Варина вежи взяли. И затем ходил во Владимир опять, Ярополка там посадил, и Ярополк умер.

И снова, по смерти отца и при Святополке, на Стугне бились мы с половцами до вечера, бились у Халепа, и потом мир сотворили с Тугорканом и с другими князьями половецкими, и у Глебовой чади отняли дружину свою всю.

И потом Олег на меня пришел со всею Половецкою землею к Чернигову, и билась дружина моя с ними восемь дней за малый вал и не дала им войти в острог; пожалел я христианских душ, и сел горящих, и монастырей и сказал: «Пусть не похваляются язычники». И отдал брату отца его стол, а сам пошел на стол отца своего в Переяславль. И вышли мы на святого Бориса день из Чернигова и ехали сквозь полки половецкие, около ста человек, с детьми и женами. И облизывались на нас половцы точно волки, стоя у перевоза и на горах, — бог и святой Борис не выдали меня им на поживу, невредимы дошли мы до Переяславля.

И сидел я в Переяславле три лета и три зимы с дружиною своею, и много бед приняли мы от войны и голода. И ходили на воинов их за Римов, и бог нам помог, перебили их, а других захватили.

И паки Итлареву чадъ избиша, и вежи ихъ взяхом, шедше за Голтавомъ.

И Стародубу идохом на Олга, зане ся бѣше приложилъ к половцемъ. И на Богъ идохом, с Святополкомъ на Боняка за Рось.

И Смолинску идохом, с Давыдомъ смирившеся. Паки, идохом другое с Вороницъ.

Тогда же и торци придоша ко мнѣ, и с половець Читѣевичи, идохом противу имъ на Сулу.

И потомъ паки идохом к Ростову на зиму, и по 3 зимы ходихом Смолинску. И-Смолинська идох Ростову.

И паки, с Святополкомъ гонихом по Боняцъ, но ли оли... убиша, и не постигохом ихъ. И потомъ по Боняцъ же гонихом за Рось, и не постигохом его.

И на зиму Смолинску идохъ, и-Смоленска по Велицъ дни выидохъ; и Гюргева мати умре.

Переяславлю пришедъ на лѣто, собрахъ братью.

И Бонякъ приде со всѣми половци къ Кснятиню, идохом за не ис Переяславля за Сулу, и богъ ны поможе, и полъкы ихъ побѣдихом, и князи изымахомъ лѣпшини, и по Рожествѣ створихомъ миръ съ *Аепою*, и поимъ у него дочеръ, идохом Смоленску. И потомъ идох Ростову.

Пришедъ из Ростова, паки идохъ на половци на *Урусобу* с Святополкомъ, и богъ ны поможе.

И потомъ паки на Боняка к Лубьну, и богъ ны поможе.

И потомъ ходихомъ к *Воиню* с Святополкомъ; и потомъ паки на Донъ идохомъ с Святополкомъ и с Давыдомъ, и богъ ны поможе.

И к Выреви бяху пришли *Аепа* и Бонякъ, хотѣша взяти ѣ, ко Ромну идохъ со Олгомъ и з дѣтми на нь, и они *очутивше* бѣжаша.

И потомъ к Мѣньску ходихомъ на Глѣба, оже ны бѣше люди заялъ, и богъ ны поможе, и створихомъ свое мышленное.

И потомъ ходихомъ къ Володимерю на Ярославця, не терпяче злѣбъ его.

А и-Щернигова до Кыева *нестишьды* ѣздихъ ко отцю, днемъ есмъ переѣздилъ до вечерни. А всѣхъ путей 80 и 3 великихъ, а прока не испомню меншихъ. И мировъ есмъ створилъ с половецкыми князи безъ одного 20, и при отци и кромѣ отца, а дая скота много и многы порты своѣ. И пустилъ есмъ половецкихъ князь лѣпшихъ изъ оковъ толико: Шаруканя 2 брата, Багубарсовы 3, *Осеня* братьѣ 4, а всѣхъ лѣпшихъ князей инѣхъ 100. А самы князи богъ живы в руцѣ дава: Коксусъ с сыномъ, Акланъ, Бурчевичъ, Таревскый князь Азгулуй, и инѣхъ кметий молодыхъ 15, то тѣхъ живы ведъ, исѣкъ, вметахъ в ту

И вновь Итлареву чадь перебили, и вежи их взяли, идя за Голтав.

И к Стародубу ходили на Олега, потому что он сдружился с половцами. И на Буг ходили со Святополком на Боняка, за Рось.

И в Смоленск пошли, с Давыдом помирившись. Вновь ходили во второй раз с Вороницы.

Тогда же и торки пришли ко мне с половцами-читеевничам, и ходили мы им навстречу на Сулу.

И потом снова ходили к Ростову на зиму, и три зимы ходили к Смоленску. Из Смоленска пошел я в Ростов.

И опять со Святополком гнались за Боняком, но... убили, и не настигли их. И потом за Боняком же гнались за Рось, и снова не настигли его.

И на зиму в Смоленск пошел; из Смоленска после Пасхи вышел; и Юрьева мать умерла.

В Переяславль вернувшись к лету, собрал братьев.

И Боняк пришел со всеми половцами к Князю; мы пошли за ними из Переяславля за Сулу, и бог нам помог, и полки их победили, и князей захватили лучших, и по Рождестве заключили мир с Аепю, и, взяв у него дочь, пошли к Смоленску. И потом пошел к Ростову.

Придя из Ростова, вновь пошел на половцев на Урусобу со Святополком, и бог нам помог.

И потом опять ходили на Боняка к Лубну, и бог нам помог.

И потом ходили к Воиню со Святополком, и потом снова на Дон ходили со Святополком и с Давыдом, и бог нам помог.

И к Вьюрю пришли было Аепа и Боняк, хотели взять его; к Ромну пошли мы с Олегом и с детьми на них, и они, узнав, убежали.

И потом к Минску ходили на Глеба, который наших людей захватил, и бог нам помог, и сделали то, что задумали.

И потом ходили к Владимиру на Ярославца, не стерпев злодеяний его.

А из Чернигова в Киев около ста раз ездил к отцу, за один день проезжая, до вечерни. А всего походов было восемьдесят и три великих, а остальных и не упомяну меньших. И мир заключил с половецкими князьями без одного двадцать, и при отце и без отца, а раздаривал много скота и много одежды своей. И отпустил из оков лучших князей половецких столько: Шаруканевых двух братьев, Багубарсовых трех, Осеневых братьев четырех, а всего других лучших князей сто. А самих князей бог живыми в руки давал: Коксусь с сыном, Аклан Бурчевич, таревский князь Азгулуй и иных вятзей молодых пятнадцать, этих я, приведя живых, иссек и

рѣчку въ Салню. По чередѣм избѣено не съ 200 в то время лѣпших.

А се тружахъся ловы дѣя: понеже съдох в Черниговѣ, а и-Щернигова вышед, и *до сего* лѣта по сту *уганивал* и имъ даром всею силою кромѣ иного лова, кромѣ Турова, *идѣже* со отцемъ ловилъ есмъ всякъ звѣрь.

А се в Черниговѣ дѣялъ есмъ: конь дикихъ своиѣма руками связалъ есмъ въ пушахъ 10 и 20 живыхъ конь, а кромѣ того *же* по ровни ѣздя ималъ есмъ своиѣма рукама тѣ же кони дикиѣ. Тура мя 2 метала на розѣхъ и с конемъ, олень мя одинъ болъ, а 2 лоси, одинъ ногами топталъ, а другой рогома болъ, вебрь ми на бедрѣ мечъ оттялъ, медвѣдь ми у колѣна подѣклада укусилъ, лютый звѣрь скочилъ ко мнѣ на бедра и конь со мною поверже. И богъ неврежена мя съблюде. И с коня много падахъ, голову си розбихъ дважды, и руцѣ и нозѣ свои вередихъ, въ уности своей вередихъ, не блюда живота своего, ни щадя головы своеѣ.

Еже было творити отроку моему, то сам есмъ створилъ, дѣла на войнѣ и на ловѣхъ, ночь и день, на зноу и на зимѣ, не дая собѣ упокоя. На посадники не зря, ни на биричи, сам творилъ, что было надобѣ, весь нарядъ, и в дому своемъ то я творилъ *есмъ*. И в ловчихъ ловчий нарядъ сам есмъ держалъ, и в конюсѣхъ, и о соколѣхъ и о ястребѣхъ.

Тоже и худаго смерда и убогѣхъ вдовицѣ не далъ есмъ сильнымъ обидѣти, и церковнаго наряда и службы сам есмъ при-
зиралъ.

Да не зазрите ми, дѣти мои, *ни* инъ кто, прочетъ, не хвалю бо ся ни дерзости своеѣ, но хвалю бога и прославляю милость его, иже мя грѣшнаго и худаго селико лѣтъ сблюд от тѣхъ часъ смертныхъ, и не лѣнива мя былъ створилъ, худаго, на вся дѣла человѣчьская потребна. Да сю грамотицю прочитаючи, потѣснѣтесе на вся дѣла добрая, славяще бога с святыми его. Смерти бо ся, дѣти, не боячи, ни рати, ни от звѣри, но мужьское дѣло творите, како вы богъ подасть. Оже бо язъ от рати, и от звѣри и от воды, от коня спадаяся, то никтоже вас не можетъ вредитися и убити, понеже не будет от бога повелѣно. А иже от бога будетъ смерть, то ни отецъ, ни мати, ни братья не могутъ отъяти, но *аче* добро есть блюсти, божие блюденъе лѣплѣвъ есть человѣчьскаго.

бросил в ту речку Сальню. А врозь перебил их в то время около двухсот лучших мужей.

А вот как я трудился, охотясь, пока сидел в Чернигове; а из Чернигова выйдя и до этого года по сту уганивал и брал без трудов, не считая другой охоты, вне Турова, где с отцом охотился на всякого зверя.

А вот что я в Чернигове делал: коней диких своими руками связал я в пущах десять и двадцать, живых коней, помимо того, что, разъезжая по равнине, ловил своими руками тех же коней диких. Два тура метали меня рогами вместе с конем, олень меня один бодал, а из двух лосей один ногами топтал, другой рогами бодал; вепрь у меня на бедре меч оторвал, медведь мне у колена потник укусил, лютый зверь вскочил ко мне на бедра и коня со мною опрокинул. И бог сохранил меня невредимым. И с коня много падал, голову себе дважды разбивал и руки и ноги свои повреждал — в юности своей повреждал, не дорожа жизнью своею, не щадя головы своей.

Что надлежало делать отроку моему, то сам делал — на войне и на охотах, ночью и днем, в жару и стужу, не давая себе покоя. На посадников не полагаясь, ни на биричей, сам делал, что было надо; весь распорядок и в доме у себя также сам устанавливал. И у ловчих охотничий распорядок сам устанавливал, и у конюхов, и о соколах и о ястребах заботился.

Также и бедного смерда и убогую вдовицу не давал в обиду сильным и за церковным порядком и за службой сам наблюдал.

Не осуждайте меня, дети мои или другой, кто прочтет: не хвалю ведь я ни себя, ни смелости своей, но хвалю бога и прославляю милость его за то, что он меня, грешного и худого, столько лет оберегал от тех смертных опасностей, и не ленивым меня, дурного, создал, на всякие дела человеческие годным. Прочитав эту грамотку, постарайтесь на всякие добрые дела, славя бога со святыми его. Смерти ведь, дети, не боясь, ни войны, ни зверя, дело исполняйте мужское, как вам бог пошлет. Ибо, если я от войны, и от зверя, и от воды, и от падения с коня уберегся, то никто из вас не может повредить себя или быть убитым, пока не будет от бога повелено. А если случится от бога смерть, то ни отец, ни мать, ни братья не могут вас отнять от нее, но если и хорошее дело — остерегаться самому, то божие обережение лучше человеческого.

О многострастный и печалны азъ! Много борешься сердцемъ, и одолѣвши, душе, сердцю моему, зане, тлѣньнѣ сущи, помышляю, како стати предъ страшнымъ судьей, кающа и смѣренна не приимшимъ межю собою.

Молвить бо иже: «Бога люблю, а брата своего не люблю, ложь есть». И пакы: «Аще не отпустите прегрѣшений брату, ни вамъ отпустить отецъ вашъ небесный». Пророкъ глаголетъ: «Не ревнуй лукавнующимъ, ни завиди творящимъ безаконье». «Что есть добро и красно, *но еже жити* братья вкупѣ!» Но все дьяволе наученье! то бо были рати при умныхъ *дѣдѣхъ* нашихъ, при добрыхъ и при блаженныхъ отцихъ нашихъ. Дьяволъ бо не *хочетъ* добра роду человѣческому, *сваживаетъ* ны. Да се ти написашъ, зане принуди мя сынъ *мой*, егже же еси хрстиль, иже то сѣдѣти близъ тебе, прислалъ ко мнѣ *мужь свой* и грамоту, река: «Ладимься и смѣримся, а братцю моему судъ пришелъ. А въ ему не будевъ местника, по възложивъ на бога, а стануть си предъ богомъ; а Русьскы земли не погубимъ». И азъ видѣхъ смѣренье сына своего, сжалихся, и бога устрашихся, рекохъ: онъ въ уности своей и в безумьи сице смѣряться — на бога укладаетъ; азъ человѣкъ грѣшенъ есмь паче всѣхъ человѣкъ.

Послушахъ сына своего, написахъ ти грамоту: аще ю приимеши с добромъ, ли с поруганьемъ, свое же узрю на твоёмъ писаньи. Сими бо словесы варихъ тя переди, егже же почаяхъ отъ тебе, смѣреньемъ и покаяньемъ, хотя отъ бога ветхыхъ своихъ грѣховъ *оставления*. Господь бо нашъ не человѣкъ есть, но богъ всей *вселенѣи*, иже хоцетъ, в мегновеньи ока вся створити хоцетъ, то самъ претерпѣ хуленье, и оплеванье, и ударенье, и на смерть вдася, животоу владѣя и смертию. А мы что есмы, человѣци грѣшни и лиси? — днесъ живи, а утро мертви, днесъ в славу и въ чти, а заутра в гробъ и бесъ памяти, ини собранье наше раздѣлять.

Зри, брате, отца наю: что взяста, или чимъ има *порты*? но токмо оже еста створила души *своей*. Но да сими словесы, пославше быаше переди, братъ, ко мнѣ варити мене. Егда же убиша дѣтя мое и твое предъ тобою, и быаше тебѣ, узрѣвше кровь его и тѣло увянувшю, яко цвѣту нову процветшю, якоже агньцю заколену, и рещи быаше, стояше надъ нимъ, вникнувши *въ* помыслы души своей: «Увы мнѣ! что створихъ? И пождавъ его безумья, свѣта сего мечетнаго кривости ради налѣзохъ грѣхъ собѣ, отцю и матери слезы».

И рещи быаше Давыдскы: «Азъ знаю, грѣхъ мой предо мною есть воину». Не крове дѣля пролитья, — помазаникъ божий Давыдъ, прелюбодѣянне *створивъ* посыпа главу свою и плакася горко;

О я, многострадальный и печальный! Много борешься, душа, с сердцем и одолеваешь сердце мое; все мы тленны, и потому помышляю, как бы не предстать перед страшным судьей, не покаявшись и не помирившись между собою.

Ибо кто молвит: «Бога люблю, а брата своего не люблю», — ложь это. И еще: «Если не простите прегрешений брату, то и вам не простит отец ваш небесный». Пророк говорит: «Не соревнуйся лукавствующим, не завидуй творящим беззаконие». «Что лучше и прекраснее, чем жить братьям вместе». Но все наушение дьявола! Были ведь войны при умных дедах наших, при добрых и при блаженных отцах наших. Дьявол ведь ссорит нас, ибо не хочет добра роду человеческому. Это я тебе написал, потому что понудил меня сын мой, крещенный тобою, что сидит близко от тебя; прислал он ко мне мужа своего и грамоту, говоря в ней так: «Договоримся и помиримся, а братцу моему божий суд пришел. А мы не будем за него мстителями, но положим то на бога, когда предстанут перед богом; а Русскую землю не погубим». И я видел смирение сына моего, сжалился и, бога устранившись, сказал: «Он по молодости своей и неразумию так смиряется, на бога возлагает; я же — человек, грешнее всех людей».

Послушал я сына своего, написал тебе грамоту: примешь ли ты ее по-доброму или с поруганием, то и другое увижу из твоей грамоты. Этими ведь словами я предупредил тебя, чего я ждал от тебя, смирением и покаянием желая от бога отпущения прошлых своих грехов. Господь наш не человек, но бог всей вселенной, — что захочет, во мгновение ока все сотворит, — и все же сам претерпел хулу, и оплевание, и удары и на смерть отдал себя, владея жизнью и смертью. А мы что такое, люди грешные и худые? — сегодня живы, а завтра мертвы, сегодня в славе и в чести, а завтра в гробу и забыты, — другие собранное нами разделят.

Посмотри, брат, на отцов наших: что они скопили и на что им одежды? Только и есть у них, что сделали душе своей. С этими словами тебе первому, брат, надлежало послать ко мне и предупредить меня. Когда же убили дитя, мое и твое, перед тобою, следовало бы тебе, увидев кровь его и тело его, увянувшее подобно цветку, впервые распустившемуся, подобно агнцу заколотому, сказать, стоя над ним, вдумавшись в помыслы души своей: «Увы мне, что я сделал! И, воспользовавшись его неразумием, ради неправды света сего суетного нажил я грех себе, а отцу и матери его принес слезы!»

Надо было бы сказать тебе словами Давида: «Знаю, грех мой всегда передо мною». Не из-за пролития крови, а свершив прелюбодеяние, помазанник божий Давид посыпал главу

во тѣ час отда ему согрѣшенъа его богѣ. А к богу бѣше покаятися, а ко мнѣ бѣше грамоту утѣшеную, а сноху мою послати ко мнѣ, зане нѣсть в ней ни зла, ни добра, да бѣх обуимъ оплакалъ мужа ея и оны сватбы ею въ пѣсний мѣсто: не видѣхъ бо ею первѣ радости, ни вѣнчанъа ею; за грѣхы своя! А бога дѣля пусти ю ко мнѣ вборзѣ с первым *словь*, да с нею кончавъ слезы, посажю на мѣстѣ, и сядет акы горлица на сусѣ древѣ желѣючи, а язѣ утѣшюся о бозѣ.

Тѣм бо путем шли *дѣди и отци наши*: судѣ от бога ему пришелъ, а не от тебе. Аще бы тогда свою волю створилъ, и Муромъ налѣзлъ, а Ростова бы не занималъ, а послалъ ко мнѣ, отсюда ся быхом уладили. Но сам разумѣй, мнѣ ли бы послати к тебѣ достойно, ци ли тобѣ ко мнѣ? Даже еси велѣлъ дѣтяти: «Слися къ отцю», *десятью* я есмь послалъ.

Дивно ли, оже мужъ умерлъ в полку ти? Лѣпше суть измерли и роди наши. Да не выискивати было чюжего,—ни мене в соромъ, ни в печаль ввести. Научиша бо ѿ паропци, да быша собѣ налѣзли, но оному налѣзоша зло. Да *еже* начнеши каятися богу, и мнѣ добро сердце створиши, пославъ солъ свой, или пископа, и грамоту напиши с правдою, то и волость вѣзмешъ с добромъ, и наю сердце обратиши к собѣ, и лѣпше будемъ яко и преже; нѣсмъ ти ворожити, ни мести-никъ. Не хотѣхъ бо крови твоея видѣти у Стародуба: но не дай ми богъ крови от руку твоею видѣти, ни от повелѣнъа *твоего*, ни котораго же брата. Аще ли лжю, а богъ мя вѣдаетъ и крестъ честный. Оли то буду грѣх створилъ, оже на тя шедъ к Чернигову, поганых дѣля, а того ся каю; да то языком братьи пожаловахъ, и паки е повѣдахъ, зане челоуѣкъ есмь.

Аще ти добро, да с тѣмъ... али ти лихо е, да то ти сѣдитъ сынъ твой хрестъный с малым братомъ своимъ, хлѣбъ ѣдучи дѣдень, а ты сѣдиши в своемъ — а о се ся ряди; али хочеши тою убити, а то ти еста, понеже не хочю я лиха, по добра хочю братьи и Русьскѣй земли. А его же то и хочеши насильемъ, тако вѣ даяла и у Стародуба и *милосердуюча* по тебѣ, очину твою. Али богъ послух тому, с братом твоимъ рядилися есвѣ, а не поможетъ рядитися бес тебе. И не створила есвѣ лиха ничтоже, ни рекла есвѣ: сли к брату, дондеже уладимся. Оже ли кто вас не хочѣтъ добра, ни мира хрестъяномъ, а не буди ему от бога мира узрѣти на оном свѣтѣ души его! Не по нужи ти молвлю, ци бѣда ми которая по бозѣ, сам услышишь; но душа ми своя лутши всего свѣта сего. На страшнѣй при бе-суперник обличаюся. И прочее.

свою и плакал горько,— в тот час отпустил ему согрешенья его бог. Богу бы тебе покаяться, а ко мне написать грамоту утешительную да сноху мою послать ко мне,— ибо нет в ней ни зла, ни добра,— чтобы я, обняв ее, оплакал мужа ее и ту свадьбу их, вместо песен: ибо не видел я их первой радости, ни венчания их, за грехи мои. Ради бога, пусти ее ко мне поскорее с первым послем, чтобы, поплакав с нею, поселил у себя, и села бы она как горлица на сухом дереве, горюя, а сам бы я утешился в боге.

Тем ведь путем шли деды и отцы наши: суд от бога пришел ему, а не от тебя. Если бы тогда ты свою волю сотворил и Муром добыл, а Ростова бы не занимал и послал бы ко мне, то мы бы отсюда и уладились. Но сам рассуди, мне ли было достойно послать к тебе или тебе ко мне? Если бы ты велел сыну моему: «Сошлись с отцом», десять раз я бы послал.

Дивно ли, если муж пал на войне? Умирили так лучшие из предков наших. Но не следовало ему искать чужого и меня в позор и в печаль вводить. Подучили ведь его слуги, чтобы себе что-нибудь добыть, а для него добыли зла. И если начнешь каяться богу и ко мне будешь добр сердцем, послав посла своего или епископа, то напиши грамоту с правдою, тогда и волость получишь добром, и наше сердце обратится к себе, и лучше будем, чем прежде: ни враг я тебе, ни мститель. Не хотел ведь я видеть крови твоей у Стародуба; но не дай мне бог видеть кровь ни от руки твоей, ни от повеления твоего, ни от кого-либо из братьев. Если же я лгу, то бог мне судья и крест честной! Если же в том состоит грех мой, что на тебя пошел к Чернигову из-за язычников, я в том каюсь, о том я не раз братии своей говорил и еще им поведал, потому что я человек.

Если тебе хорошо, то... если тебе плохо, то вот сидит подле тебя сын твой крестный с малым братом своим и хлеб сдят дедовский, а ты сидишь на своем хлебе, об этом и рядишься; если же хочешь их убить, то вот они у тебя оба. Ибо не хочу я зла, но добра хочу братии и Русской земле. А что ты хочешь добыть насильем, то мы, заботясь о тебе, давали тебе и в Стародубе отчину твою. Бог свидетель, что мы с братом твоим рядились, если он не сможет рядиться без тебя. И мы не сделали ничего дурного, не сказали: пересылайся с братом до тех пор, пока не уладимся. Если же кто из вас не хочет добра и мира христианам, пусть тому от бога мира не видать душе своей на том свете!

Не от нужды говорю я это, ни от беды какой-нибудь, посланной богом, сам поймешь, но душа моя мне дороже всего света сего. На Страшном суде без обвинителей сам себя обличаю. И прочее.